

ВАЛЕРИЙ
ГРУШНИКОВ

УДОВОЛЬСТВИЕ
ЕСТЬ
НАКАЗАНИЕ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Грушницкий

Удовольствие есть наказание

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грушницкий В. А.

Удовольствие есть наказание / В. А. Грушницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Одно из краеугольных произведений литературного сборника "Анти Классика", почти бездиалоговый роман Грушницкого "Удовольствие есть наказание" ставит перед читателем важнейшие нравственно-мировоззренческие вопросы - о существовании веры, сути совести, физическом грехе и об искуплении этого греха через страдание. Рассмотрение безумного разума-призрака, безобразной мечты о любви, завладевшей умом Роджера Валентайна в самом холодном и пустынном городе на свете, составляет важную часть этой короткой, соединившей в себе несколько жанров книге. Задуманный как "романчик в семи главах" роман Грушницкого предстаёт перед читателем интересным художественно-философским исследованием человеческого начала, атеистической комедией о смерти и воскрешении души. Содержит нецензурную брань.

© Грушницкий В. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	8
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Валерий Грушницкий

Удовольствие есть наказание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Целый год жену ласкал,
Цел-лый год же-ну лас-кал...
Фёдор Достоевский*

В этом городе танков всегда бывают такие пустые холодные улочки, вы просто их не замечаете. И, поверьте, таких, как вы, много. Вы лишь снуёте по останкам былой цивилизации, даже не задумываясь о том, что же было раньше в этих стенах.

И вправду здесь никого не осталось, кроме самых отъявленных идиотов, желающих хоть как-то определить себя в этом мире. Именно жители Града-Танка слушают "Шутку" Баха, а в умах у них – лишь заложническая мысль по поводу её содержания, отражающегося на нотах этого шедевра. Здесь люди привыкли слушать рэп, заполняя им отсутствие серого вещества. Жаль про это говорить, но коли это и правда происходит, отчего бы не написать? У меня, как у рассказчика, всё ещё остаётся предчувствие надежды, которая только и помогает выжить в этих каменных джунглях, поглотивших весь мир, кроме самых живых участков, которые, впрочем, никто и не видел вовсе.

Джунгли эти обычно строятся буквой "П", ограждающей жильцов от посторонних глаз. Они же думают, что постоянно чьи-то глаза норовят заглянуть, юркнуть под кожу и всё там выведать! Глуповато, конечно, но на таких идиотах всё-таки держится мир. И давайте не будем этого отрицать. Ведь, как отрицать очевидное? Но это стадо обожает конспирировать, так что мы и понаблюдаем за этим, возможно. Мерещится ли им это, или их серьёзно поглотила воронка безумия – мне это предстоит узнать. В этих П-шках постоянно раздаются шаги очередных дебилов, возомнивших себя королями мира, которым не писаны законы общества. Хотя, признаюсь, вряд ли их можно отнести к обществу. Разве только к каким-нибудь вырожденкам, разбивающим очки. Очки, ибо человеку даже зрячему, я считаю, нужны очки, чтобы увидеть, наконец, всё то, что он натворил в этом безбожном мире.

Но не терплю я людей, носящих очки с фальшивыми линзами. Именно с такими линзами в очках и ходит наша героиня.

Зовут её Элис. Родители решили, что Алиса – слишком заезженное имя, поэтому выкручивались, как только могли выкрутятся родители в подобной ситуации. Родители Элис – отдельная история. Отец был родной, а вот "мать" – мачеха. У отца были нарочито русские черты лица. Даже как-то слишком его лицо было славянским. Мать же была не то башкиркой, не то узбечкой – об этом история умалчивает. У них обоих были светлые голубые глаза, но дочурка почему-то "унаследовала" зелёные. Чудо, не иначе! Их тёмные волосы перешли и к Элис. Но она была странной брюнеткой – под отблесками Солнца её волосы отдавали рыжиной, если так вообще можно сказать. При всей своей красоте она совершенно не имела самооценки при себе.

Оттого и развилось будто бы даже маниакальное пристрастие к парням, не шибко привлекательным, да и не шибко хорошим по своей собственной натуре, которая, как известно, определяет саму сущность человека. Элис – красивый человек, признаюсь. Она может сколько угодно жаловаться на то, что жирна и затягивать потуже пояса, но ведь хорошего человека должно быть много, не так ли? При этом она обладала довольно накачанными икроножными мышцами, посмотрев на которые, любой человек сделал бы вид, что видит женские ноги, хотя перед ним виднелись бы отчётливые мужские черты. На этих мужских ногах держалось это рас-

цветшее тело с прорисовывающейся талией, с округлыми грудями, на которые бы посмотрел любой девственник-инцел. Впрочем, это лирическое отступление про её округлости, наверное, здесь ни к чему. Разве что какой-нибудь анатом захочет в точности воспроизвести мою героиню.

Тогда флаг ему в руки и свобода мысли! После школы за ней всегда следовал один мужской взгляд, всё чаще опускавший свои глаза ниже, а после, насмотревшись вдоволь, – ещё ниже. Этот взгляд принадлежал одному непомерно длинному "кадру", к тому же худому как скелет. Волосы его были коротко острижены и зачастую находились под шапкой, куда он привык прятать свои смущённые взгляды, которые служили ответом на взгляды Элис. Кабы можно было ему дать имя, так я ему дал бы, но не могу, отчего предпочту обойтись коротким, но понятным русскому человеку словом "рельса". Да. Его звали в их узких кругах за худобу Рельсой. И вскоре эта шутка, совершенно глупая, переродилась в имя нарицательное, а потом и в его собственное имя. Обычно он по поводу своей клички не жаловался, да и не приходилось. Впрочем, кому было жаловаться Рельсе? Своим "мучителям", которые и дали, собственно, ему эту мерзкую кличку. Как несложно было догадаться, что он питает к Элис нежные до святости чувства! Без всяких там намёков или задней мысли он был в неё влюблён, впрочем, если для него это была любовь. В его представлении это было нечто другое, что позволяло ему просто-напросто существовать. Но, как и у любого хорошего мальчика, у него ничего не складывалось с ней, ибо при ней уже был ухажёр. Звали его Клаас. Это было нечто вроде Николая или Никиты. Эта глушь человечества была из того сорта людей, которые сначала сделали, а подумали после.

Рассказов с ним нельзя было послушать, оттого что склад ума был слишком скуден. Руки его, как и характер, были неуёмны и словно не могли сдержаться, чтобы не ударить кого-то по челюсти, либо словами заставить почувствовать себя максимально неуютно в своём, казалось бы, таком родном и привычном теле. Его короткий блондинистый пучок волос, красовавшийся на округлом черепе, развевался на ветру, словно петушиный хохолок.

Казалось даже, что он был не из Града-Танка, а из деревни, находившейся на окраине. Куда убежала его совесть – не могла бы ответить даже Элис, которая знала его гораздо более других, например, того же Рельсы, которому приходилось с ним встречаться не то чтобы однажды, но пару раз и вправду было. Как-то Рельса в очередной раз провожал Элис со школы. Она с ним, как ни с кем другим, чувствовала себя в своей тарелке. Общение с ним ей доставляло то недостающее отцовское удовольствие, которое, казалось, только он один мог излагать. Именно на этом пути Клаас встретил их. Это был дом возле завода, которых в Граде-Танке было бесчисленное множество. Отношения Рельсы и Клааса стали напряжёнными в первую очередь из-за этого случая.

Лишь завидев их, его внутреннее нутро дало сигнал к атаке, потому что в тот момент самому себе он казался либо волком, либо львом. Его правая рука один раз коснулась подбородка Рельсы, оставив после на нём пародию на синяк, отдающую желтоватым отблеском. Это было нечто наподобие петушиного боя. Рельса взбунтовался и начал на Клааса сыпать оскорблениями, но выходило это так, будто котёнок орал своим писком, думая про себя, что он – взрослая кошка, которой позволено орать столько, сколько ей вздумается. В памяти его этот мимолётный случай отразился. Клаас из-за своего эго, впрочем, не смог извиниться перед ним, хотя втуне понимал, что между Рельсой и Элис ничего быть не могло. Именно это и выделяет обычного льва от пародии на него. Но мне всё же приходилось где-то слышать, что гордиться тем, что ты – лев, не стоит, ибо лев – такое себе животное для примера. Результат нашей героини по притягиванию противоположного пола вы сами можете видеть. Казалось, что всё из-за этих мужских ног и ягодичек, крепившихся к ним. Вид от этих прелестей вызывал какую-то даже внутреннюю вибрацию в животе, покалывания в сердце, а в конце – вибрирование ниже живота. Я правда стараюсь описывать всё более-менее красиво, не выходя за рамки дозволен-

ного. Но, поверьте, так только и надо описывать Элис, слишком уж у неё был призывающий вид. Для кого-то призывающий любить тщетно и безответно, а для другого –призывающий взять всё это тело в свою собственность и не отпускать никогда. И, конечно же, никому это тело не должно принадлежать, кроме тебя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*По Подъяческой пошел,
Свою прежнюю нашел...
Фёдор Достоевский*

В очередной полдень квартира Элис была наполнена её любимыми звуками, а именно – охами и привздохами, которые издавал Клаас. Ей более всего нравилось, когда Марс входил в Венеру, ибо только так получалось хоть что-то чувствовать. Поцелуй, белые и прозрачные озёра и реки страсти наполняли эту скудную по объёму комнату. Казалось, что в мире больше ничего и не должно существовать. Всё: школа, Рельса, Клаас – , казалось таким ничтожным по сравнению с этой мирской усладой. Нисколько его в эту минуту не волновало, насколько были малы её груди, или мужски были искры с ягодицами. На его дороге теперь никто не стоял, и ему, собственно, ничего от неё, кроме улады и удовлетворения физических нужд, не нужно было.

Элис же видела в этом образе нечто большее, чем он представлял собой на самом деле. Словно пелена не хотела ниспадать с её безумно красивых глаз. Этими же глазами она провожала своего любимого льва и встречала Рельсу, уже ждавшего её у стальных дверей подъезда. Они шли и о чём-то бурно разговаривали. Кажется, о том, почему же Рельсу не любят девчонки. Он был давно знаком с Элис, а поэтому имел полное право спрашивать подобное. В мыслях этой бурной девчонки не было ничего, что можно было бы противопоставить его всё новым и новым льющимся, как фонтан, мыслям и догадкам. Сама по себе она была весела и жизнерадостна. Казалось, будто от её вещей веяло весной. Этим весенним днём Элис надела зелёный топик и чёрные лосины. В Граде-Танке обычно даже зимой бывает Солнце, желающее осветить всё, например, чьё-нибудь сердце. Рельсу же это будто обходило стороной, позволяя его любить разве что только животным и маленьким детям. Ему становилось постоянно больно от этого недостатка любви. И мечталось ему постоянно ночами, когда он обнимал подушку, что и его когда-нибудь коснутся эти розовенькие губы, принадлежащие Элис. В руках у обоих, как только они завидели ларёк с шаурмой, почти мгновенно оказалось это божественное блюдо. Но Элис угораздило уронить капельку белого соуса себе на шею. Это моментально подметили юркие глаза Рельсы. Они наслаждались видом этой капли, спускавшейся всё ниже и ниже к тому, чего мечтал если не коснуться, так хотя бы увидеть, Рельса. И тогда он только понял, что рядом с ним нет женского плеча, потому что слишком у него развязные мысли, позволяющие себе слишком много. Рельса представлял, если бы эта капля оказалась на любом другом участке, любой другой клеточке этого тела, то везде было бы ей место. Как на этом упругом теле – такого же бы тела не нашлось, это было ясно. Мечты такие появлялись у Рельсы понятно от чего – от недостатка женского внимания и девичьей ласки. Ему просто хотелось хотя бы раз в жизни ощутить поцелуй Элис, а если ощутить поцелуй, то можно пойти дальше.

Элис же совершенно не волновало, что о ней сейчас думают. Она наслаждалась каждой крупницей этого томного и одновременно пронзающего взгляда. Это удовольствие граничило с чем-то даже неприемлемым. С чем-то, что могло отбросить её надежды всё дальше и дальше в расщелину. Это было нечто вроде светлого эгоизма, который не излучает чего-либо плохого, а лишь манит и зазывает к себе. Элис было просто по-человечески приятно ощущать на себе этот взгляд, который при другом стечении обстоятельств даже бы и не посмел смотреть в её сторону.

Ни капли смущения не было замечено на этом прекраснейшем лице. Оно даже не старалось изобразить этой, казалось бы, простейшей эмоции. Чистый и непринуждённый, в своём самом прямом проявлении, светлый эгоизм. Этот недостаток её души покрывался прекрасным телом. Тело её словно находилось в полнейшей гармонии с душой, со всем нутром. Читателю

может показаться, что я максимально идеализирую этот образ, но уверяю вас в том, что это не так. Просто, в сущности, этот человеческий детёныш был праздником. Когда они шли обратно, эти каменные дома рушились под звонами сердец. Это сердце Рельсы билось за двоих, ибо Элис не могла даже почувствовать что-то в этой мышце. Сердечко её билось только при виде Клааса. Только так. Она отвергала все попытки Рельсы хоть как-то расшевелить её чувства.

Ему это до безумия не нравилось. Рельсе хотелось лишь немного поменять её мышление, её осознание этого мира. Случаи наблюдения за её, так называемым, любовным безумием постоянно бесили его. Внутри него будто находился кто-то более умный и старший, кто-то внушительных габаритов. У Элис же сердце было вырезано этими примитивными отношениями, которые сбежали из животного мира или из программы "В мире животных". У Рельсы уже начинали опускаться руки, но тут он заметил, что их парочка дошла до дома Элис. Привыкнув уже к этим прощаниям, он обнял это тело и поплёлся обратно к себе в оплот благоразумия и любви. Нет реакции ни в его крови, ни в её мышцах, ни в его ногах, несущих это уже мёртвое тело к себе домой. По дороге назад Рельса задумался о сущности своих чувств. Оставаться более в зоне друзей он не хотел, но действий для выхода не предпринимал. Сердцу просто не на кого было выливать чувственные опилки струн души, которые старались сплестись в единую симфонию. Но это ощущение друга позволяло ему растянуть удовольствие, а, может, это было и страдание. Элис для него было единственным интересом и смыслом к существованию. За своё такое отношение он хотел и у себя, и у неё прощения просить. Он был как художник. Она же – идеальный натурщик. Правда, настолько в его мыслях у неё была крупнейшая душа, что всё пёстренькое тельце Элис не помещалось на холсте. В голове у Рельсы постоянно проходило некое совещание, на котором решалось, будет ли он её партнёром, либо до конца жизни ему придётся довольствоваться участью друга. Он снова и снова возвращался к этой избитой теме, понимая всю безнадёжность своего положения.

Клаас сидел всё это время в такси белоснежного цвета и наблюдал за друзьями. Его страх собственной неполноценности, закрытый за тысячью стен громких слов и столь же громких высказываний, горел от ужаса.

Но из-за количества этих стен он сам не понимал своей ущербности.

Клаас, как волк, следил за подстреленным зайцем Рельсой и выжидал лишь того момента, когда зайчик вздохнет в последний раз и умрёт.

На самом деле ведь и не нужно было никакой слезки, потому что уже и Элис сама начала замечать тяжесть этого взгляда, доносившегося из белеющего гроба на колёсиках.

Он давил и давил, жажда лишь полнейшей покорности и стопроцентного повиновения.

Только Клаас думал, что он прав, ибо такие люди видят лишь две точки зрения – свою и неправильную.

Но там, в голове у Элис, были ведь когда-то верные мысли, не позволявшие так надругиваться над собой!

Мужчина в её представлении – сильный дуболом без всяких границ, без рамок приличия.

Всё пошло от отца. Отец Элис, может, и был красавцем, но всё-таки никак не вдохновлял свою дочь, а нацелен был на воспитание сына. Так и не стало у этой девочки отца. Пришлось искать замену, которая бы возместила ей всё то мужество, которое ей пришлось наблюдать во всяких журналах для девочек из сомнительного качества бумаги. К ней не приходило понимание, почему всем нравились романтические тинейджерские писатели, когда её комнатёнка была завешана портретами полуголых Сталлоне и Шварценеггера.

Смотря на своё собственное детство, Элис бы увидела накачанных мальчишек, на чей пресс падал её взгляд. Теперь же она не осознавала, отчего её хозяином была не она сама, а Клаас.

Сейчас ей просто нравилось мужское наслаждение – без романтики, без любви.

Копеечная любовь. Стоит ли за такую бороться? Элис ничего не сказала, а лишь томно молчала бы в ответ. Она сама уже осознавала, что жизнь ей подсунула двух ухажёров, тем не менее надеялась, что ей придётся избежать выбора.

Спереди был Рельса вместе со своей задумчивой нежностью, а сзади – Клаас со зверской страстью и буйной настойчивостью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ты мой бутюшник прикрасной,

Ты не бей меня напрасно!

Фёдор Достоевский

Клаас сидел сейчас в эллинге и потягивал мутное пиво отвратного вкуса вместе с Элис и Рельсой.

Рельса был приглашён, казалось, лишь для вида и смущался от каждого взгляда девушки. Клаасу же было ненавистно смотреть на то, как его девушка строила глазки незнакомому стеснительному парнишке. Сидели они здесь по поводу дня рождения Элис. Никаких подарков от обоих ухажёров она не получила, отчего старалась развлечь себя подкатами к Рельсе. Ему же это внимание было не по душе. Сердце его билось всё усиленнее и усиленнее, стуча по грудной клетке сгустками спёкшейся крови.

Руководитель этого парада заигрываний, Клаас, сидел в уголке на полуразложившемся кресле и почти допил до конца литровую бутылку хмельного напитка, стараясь заглушить боль от понятия того, что он перестал быть интересен Элис.

Она его убивала своими действиями. Может, только это и могло пробудить в нём те чувства, которых он когда-то лишился. Хмель вскружил ему голову, и Клаас предложил Рельсе сыграть в пародию на "ножички".

Задачей было попасть ножичком в пол так, чтобы он в нём застрял намертво. Но ключевой особенностью было то, что ножичек-то тупой!

И как бы не пытались это два почти взрослых парня попасть тупым куском металла по полу – все попытки оборачивались провалом.

Упорству их и настойчивости можно было лишь позавидовать. Путь к достижению цели был различен – кто-то старался посильнее напрячь свою руку, состоящую из одних костей и жил, а кто-то кидал под определённым углом, рассчитывая в голове этот самый несуществующий угол. Именно угол помог таки Рельсе попасть этим злосчастным ножиком в пол.

Невозможно описать удивление Клааса. На лице его появились морщинки и складки на лбу, сливающиеся с телом и выражающие недоумение.

Зрачки расширились до такой степени, что не стало видно глаз.

А зрачками этими он рыскал по эллингу, надеясь найти поддержку в лице Элис. Она же сначала безучастно глядела на происходивший идиотизм, а после заинтересовалась этой игрой. Когда Рельса выиграл, в её голове что-то мелькнуло.

Ей показалось, что её мысли мгновенно очистились, и спала пелена.

Удобство этой мысли было обеспечено её мимолётностью. Элис теперь посмотрела на Рельсу как-то даже по-другому. Только сейчас она заметила, что имя "Элис" для него было нечто большее, чем простое имя.

В памяти всплыли эти миловатые взгляды. Элис вспомнила ещё именно его дрожавшие губы, которые колыхались от каждой её фразы. Ей была даже по нраву эта его стойкость, с которой он оставался до сих пор другом и не решался признаться в своих пламенных чувствах.

Но самой Элис стало почему-то неприятно это чувство, отчасти из-за взгляда Клааса, который моментально заметил перемену в Элис.

Она предчувствовала, что после этого дня рождения ей достанется от Клааса.

Элис хотела убежать из эллинга, лишь бы перестать чувствовать эту привязанность. Благо, что эта мысль моментально испарилась, будто её никогда вовсе и не было. Можно ли было так существовать ей?

Клаас мог лишь ощущать вновь своё превосходство над ими обоими. Вернулось и ощущение себя максимально ущербным Рельсе. Это так странно, что происходившее всего минуту

назад в этой голове улетучилось в пучину небытия. Миллионы возмущений и негодований исчезли, и напряжённость отношений будто даже испарилась.

Рельсе так хотелось послать их обоих куда подальше – чувства его были оскорблены изменениями в настроении Элис.

Почему, собственно она вообще так поступила? Эта детская глупость, что постоянно Элис демонстрировала с Клаасом, давно уже должна была исчезнуть.

Как сказал бы Рельса, у неё никого не было дома. Он буквально сгорал от любопытства – ему интересно было, потерян ли он совсем, или есть ещё шанс на спасение. Стало так душно, а в эллинге, естественно, нет окон. В душе у Рельсы разгорался пожарище, который всё не унимался и не прекращался.

Элис своим обыкновенным взглядом поблагодарила мальчика за то, что он всё понял. На деле же всем было ясно про абсолютное непонимание Рельсой этой ситуации. Пройти ему было некогда, поэтому и приходилось оставаться всё дольше и дольше. Обрати он внимание на стальную дверь, что была припаяна к стене, то мог бы и спастись. Забрать же это мгновение раздумья у него никто не мог.

Он вдыхал такой солёный, но такой родной воздух, оставшийся навеки в этом закрытом эллинге. Казалось, будто не существует ни Элис, ни Клааса, лишь этот солоноватый воздух продолжает наполнять сердца людей.

С него было достаточно этих нежностей, этих заигрываний, ибо уже всему пришёл конец, а не только ему. Видно было, что ему каждая частичка тела приказывает бежать, приказывала исчезать навеки из её жизни, как, впрочем, и из его. Думал он не слишком долго, потому что каждая секунда была на счету. Своей хиленькой ручкой он смахнул пиво прямо на Клааса и побежал, куда глаза его глядят.

Этот наружный воздух гораздо лучше, пускай, и тоже нечист. Чтобы почувствовать его вкус, ноздри начали впитывать воздушную массу килограммами.

Как зелёный конь, Рельса бежал через каменные джунгли и радовался, что, оказывается, его тоже способен кто-то полюбить. Полюбить именно так, как люди любят людей, а не вещь, коей он всегда был для Элис. Как двадцать пятый кадр, вырезанный из фильма, он не был нужен остальной картине. Рельса был, как неполноценный пазлик из целой картинки, состоящей из тысячи этих пазликов. Не хватало лишь одного – солидарности от остальных кусочков. Да и личности, отдельной от общества, ему не хватало. Чьи-то надежды, может, отражались в этом образе полудурка, но они не решались ему об этом сказать, либо просто-напросто даже не знали о существовании этого существа. Мысли у него в этот момент кружились и образовывали целое торнадо из надежд, зачастую разбитых. В эллинге же царило беспонятие. Клаас рвался разодрать личико Рельсы на малюсенькие кусочки, а после – сшить из них опять эту наивную рожу. Хохолок опять распетушился, и в ушах заиграл грозный рэп. Его лицо становилось подобно помидору черри. Броситься прямо на Рельсу ему помешала Элис, задерживавшая тучное тело. В такие моменты смотрящий со стороны человек начал бы сомневаться, есть ли в Клаасе что-то от человека, или эволюция в его случае решила сделать обратный ход. Вены на шее начали разбухать, а кадык вытянулся вперёд. Его тело было отдушиной на всём анатомическом строении человека. Горб вырисовывался, а при злости ежесекундно превращался в ровный восклицательный знак. Он более походил на ожившую несмешную шутку, на её олицетворение, нежели на человека. Его мозг был давно заброшен на задворках памяти, откуда никогда в принципе не доставался, а лишь пылился и дожидался того момента, когда бы его начали использовать по назначению. Забрать бы его оттуда, он, может быть, и был бы рад. Жаль только, что Клаас и не знал о его существовании. Элис же, пока его держала, начинала понимать, что в этом львином образе нет ничего мужского. Она думала про верность своего выбора – да, опять та самая мысль вернулась к ней в голову.

Далее и далее она проникала в голову, испещряя её кусочками пазликов, заставляя восстановить полную картину мира. Элис сейчас как никогда нужно было стремиться к себе домой, чтобы подумать. Небольшая ручка отпустила Клааса. Элис поцеловала его в щёку. Глаза молодого человека опустились на это личико, жаждущее поддержки и понимания. Теперь два лица слились в единый образ, растворяясь в этом здании под названием "элинг". Обоим это было в наслаждение и ни в коем случае не в тягость. Объятия, поцелуи – вся эта избитая тема продолжалась там с десять минут, пока Элис единственно и точно не решила бежать. Что было удивительно, Клаас отпрянул от неё и успокоил свою настойчивость. Элис бежала к себе домой и до конца не понимала, к чему это может привести.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Malbrough s'en va-t-en guerre,

Ne sait quand reviendra...

Cinq sous, cinq sous,

Pour monter notre ménage...

Cinq sous, cinq sous...(фр.)

Fiodor Dostoïevski

Герой наш был воодушевлён до той степени, до какой бывают вдохновлены всякие влюбчивые мальчишки, впервые почувствовавшие свою любовь в лёгких объятиях.

Глаза его были веселы, словно солнышко на небе, а сердечко билось так, что не было слышно тишины.

В такие минуты счастья хочется лишь вдохнуть воздух и мечтать о своём счастливом будущем.

В жизни таких моментов будет много, жаль, что мы не знаем, что их в самом деле будет много. В наших головах зреет мысль, будто наша любовь есть нечто одноразовое, и поэтому надо цепляться не за первого встречного. Уверяю вас, друзья мои, чувство это многоразовое. В этом и есть сущность испытания любви. Человеку нужно сделать выбор, когда перед ним имеется несколько вариантов, пред которыми он одинаково виноват в своей неспособности сдержать такое сладкое чувство как любовь.

Впрочем, мне отчего-то кажется, что мои герои испытывают пародии на эту самую любовь.

Но, вероятно, меня просто мучает зависть. Рельса бежал к себе домой, а прибежал к ней, к Элис.

Что бы ни случилось, ему казалось, что только в этом доме существовала защита от всего внешнего мира. Всё в порядке было в его голове – ни одна мысль не спуталась, лишь зрело признание в чувствах. В нраве Рельсы начало просыпаться нечто хулиганское, что могло зацепить душеньку молодой Элис. Только это ему нужно было в данный момент. Ничего не возникало пред его глазами, как это миленькое личико с этими пухлыми губками, со светло-тёмными глазками. Ему всё представлялись эти губки на его губах, то на прочих клеточках этого сжато, как изюм, тела. Будто в этих чувствах отсутствовало само понятие инициативы – лишь пародия, исходившая то от одного, то от другой. Как дождь капает на сухую землю своими живительными крупичками воды, так и Элис одна давала надежду Рельсе на дальнейшее существование в этом бесчувственном мире, где только разве и есть место для физических нужд, которые готовы удовлетвориться.

Чувства же, высокие и непонятные, никому и не были нужны. Как и Элис. Ей ведь и вправду неведомо было, что такое любовь. Ей знакомы были привязанность, связь, влюблённость, но никогда не было этого высокого ощущения.

Такого ощущения, будто стараешься улететь далеко-далеко отсюда.

Ведь только здесь можно не любить. И до сих пор в мыслях у этой девчонки не укоренились представления о высоком, ибо не до этого было. Дело было лишь до удовлетворения своих грязных, низменных, я бы даже сказал "животных" потребностей.

В сущности, ведь Элис этого и не надо было.

Ей нужна была ласка, а не все последствия, вытекающие из неё. Но ждать Элис не хотелось – у всех в её классе с пятнадцати лет начинали появляться парни, и ей тоже захотелось вкусить эту сладость, растягивающуюся обычно на месяца два. Боль от отсутствия парня возвращалась к ней день за днём. Но всё изменилось с того момента, как её собственное тело стало любо самой Элис.

И эти тёмные волосы с рыжиной, и эта ключица, высовывающаяся из-под топики, и эти малые упругие груди, и в особенности эти мужские икры с ягодицами.

Разбитое от отсутствия любви сердце начало собираться воедино. Она об этом не думала. Элис вообще мало о чём думала, если это не касалось отношений. Но со всей своей усердностью и любовью к себе она так ничего и не делала, а лишь ждала принца на белом коне. Каковы старания – таков и жених. Клаас нашёл Элис в соцсети, где они обменялись паролями от страниц. Элис казалось, что это лишь сблизит их, но два влюблённых идиота продолжали общаться на интимные щекотливые темы с посторонними людьми. Самый лучший период в её жизни был именно тот, когда она впервые встретила Клааса.

Тогда Элис почувствовала максимальное удовольствие от отношений с мужчиной.

Эти поцелуи ей до того нравились, что уже надоели.

Но без них было вовсе скучно и неинтересно обниматься в беловатом такси. Элис это освежало и давало надежду на новую ласку. Она таяла в этих объятиях, приглушая тем самым внутреннюю боль от невидимого расставания со своими родителями. Рельса увидел то, что её любимое тело уже бежит к стальной двери, которая сейчас становилась единственной опорой на его пути. Элис тоже его заметила, но поглядела как-то странно, будто он был сейчас совсем не к месту. В своей голове Рельса уже приготовил это признание, оно даже выбегало с его зубов, оставаясь на кончике языка. Оно лилось этими благозвучными сочетаниями слов, что обычно говорят молодые люди при признании. Как человек, которому долго не давали говорить, Рельса проговорил около десяти минут, посекундно добавляя в свою речь всё более и более красочные эпитеты, дабы ей польстить. Её уши нещадно впитывали данную информацию. Хочется же человеку быть объектом чьих-то вожделений и ночных фантазий! Таковы уж люди. Она обдумывала его слова не слишком долго, ибо знала, что за плечами виснет грозный взгляд.

Ей, может, и хотелось бы ответить положительно, но мнимая и созданная ей самой гордость мешала Элис это сделать. Короткий отказ вылетел из её губок, а стальная дверь захлопнулась, заставив сжечь все свои надежды. Всё будто перевернулось в душе у Рельсы. Губы начали дрожать, опуская свои кончики всё ниже и ниже. Детская надежда была скомкана, разорвана на мельчайшие кусочки и пущена по ветру. Нос начал шмыгать, впитывая один за другим остатки былого достоинства. Слеза выкатилась из правого глаза, и, чувствуя, что именно эта слеза всё и изменит, Рельса убрал её со своего собственного позорного лица. Ему хотелось засунуть самого себя целиком в противогаз, лишь бы скрыть своё стеснение и неудобство. Будто сам он начал себя подкалывать внутри мозга до костей грудной клетки. Знать причину отказа ему не хотелось, как и не хотелось верить в то, что сам этот процесс произошёл. Не было в нём таланта принять собственную ущербность! В каждой клеточке его тела совершалось отторжение всего позитивного. Казалось, что он сейчас на месте и умрёт. Элис в это же время стояла за стальной дверью и тихо плакала. Её уже всё так достало, что было дело лишь до одной себя. Она медленно поднималась по грязным ступенькам очередного дома родом из каменных джунглей. Внутри Элис всё гудело, будто паразиты начали выходить из всех щелей.

Фу, как мерзко! Лицо её с каждым этажом становилось всё бледнее. Сердце болело и вырывалось из груди. Так больно от простого чувства ей никогда не было.

Теперь она поняла, что за чувствами стоит нечто большее, чем просто слова.

От них может и болеть в груди. Болеть так, что все раны на белом свете покажутся детским лепетом и наслаждением.

Такую боль можно либо хотеть чувствовать, либо безучастно принимать.

Элис просто взяла её на сердце и уж не смогла отпустить. Если отпустить, то, казалось, сердце вырвется вместе с болью, и тогда она умрёт. А если Элис умрёт, то уж после неё точно не должно ничего остаться. Сама она в этот свет ничего не произвела, поэтому и страдала. Когда после тебя не остаётся ничего. Существует лишь одно – память о тебе. Друзья ли тебя запомнят или родственники, но всегда есть надежда на то, что ты будешь жить через поколения. Проблема лишь в том, чтобы стать человеком, которого захотят вспоминать ещё и ещё, раз за разом, например, за ужином. Именно такие мысли должны были прийти в голову к Элис, но это всё не случалось и не случалось до сей поры.

Впервые в её жизни произошло то, что заставило почувствовать Элис максимально неудобно.

Элис эта информация, казалось, добила, и она рыдала уже у себя в комнате в постели. Слишком хрупка девичья психика! Впервые она почувствовала ответственность за, казалось бы, совершенно чуждого ей человека.

Она была так глупа! Хотя раз за жизнь представилась возможность это увидеть. Пелена будто спала. Хотя нет. Это –уже не "будто". Элис теперь видела полную картину мира, словно смотрелась на себя в зеркало.

ЧАСТЬ

ПЯТАЯ

Du hast Diamanten und Perlen...

Du hast die schönsten Augen,

Mädchen, was willst du mehr?(нем.)

В полдневный жар, в долине Дагестана...

В полдневный жар!.. в долине!.. Дагестана!..

С свинцом в груди!...

Heinrich Heine und Michael Lermontov

Очередной хмурый день проникал в комнату Элис. Целую ночь она думала, что натворила своим вчерашним отказом. То, что бушевало внутри – это был не страх перед неизвестностью, а лишь инстинкт самосохранения. Подай она тогда надежду, и всё было бы спасено! Глотка её была сорвана так же, как и, собственно, голос. Она чувствовала себя укутанной в мантию-невидимку. Её не оставляло в покое собственное нутро, так и стремящееся выйти наружу. Невнятная речь Элис более походила на заклинания, нежели на законченные слова. Ежели бы она ослушалась в тот момент свою гордыню, то сейчас, скорее всего, не было бы этих бессмысленных страданий. Внутри Элис зажигались и тлели чувства одновременно. Каждый её вздох передавал эту огромную гамму эмоций. Элис чувствовала, словно всё её тело перемолотили через две огромные шестерёнки. Никому бы не посоветовал ощущать себя именно так. Элис собиралась пойти навестить Рельсу и извиниться перед ним. Но тело её словно не хотело забираться в одежду. Такие просторные джинсы вдруг стали узкими. Куртку хотелось распахнуть, пускай на улице, что странно, было невероятно холодно. Неодушевлённые предметы вмиг ожили и будто говорили, что нельзя идти к нему. Повредилась и комната – всё в округе стало таким расплывчатым! Предметы таяли на глазах, соединяясь в расплывчатые лужи, что валяются на дорогах осенью. Зрачки расширились – белков будто и не было видно. Но ей хотелось раскаться, поэтому всё, что было на виду, не имело значения. Элис хотела доказать себе, что

это не конец. Что начало ещё наступит вновь – именно так ей и хотелось верить. Ей хотелось зародить в этом умершем человеке жизнь. Он не имел для неё большого значения, но всё равно Элис не хотелось терять своего друга. На улице стало милее, как только Элис вышла из дома. Дворник сгребал камешки, пыль и прочую земляную труху метлой в совок и выкидывал. Элис посмотрела на руку – пальчиков будто не было. Отпечатки исчезли, испарились, стёрлись. С каждым шагом по бетонному бордюру ножки её фиксировали пятки в узах земли. Сколько уже лет прошло с момента её рождения, а полюбила она только сейчас. Каждый стук каблуков превращался в слова из признания Рельсы. Зачем этот глупый мозг генерирует такие идиотические мысли? В нём столько мусора в последнее время. Особенно в отношениях этот вопрос вставал клином. Её носик втягивал воздух тоненькой струйкой, из-за чего горло сузилось, а в лёгких он скручивался в углекислый газ. Как следует, она уже не существовала, потому что и смотрела Элис иначе, и дышала по-другому. Где-то с час назад она дала себе зарок никогда более не заводить такого блуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.